

История публицистики. Риторика

Ю.Г. Бит-Юнан

Образ В.С. Гроссмана в публицистике А.И. Солженицына 1970-х гг.

Автор статьи изучает характер упоминаний о В.С. Гроссмани в публицистике А.И. Солженицына 1970-х гг. Исследователь доказывает, что семантику и прагматику суждений Солженицына можно описать, только сопоставив их со свидетельствами в других источниках.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, А.И. Солженицын, публицистика, мемуары, критика, рецензия.

В словарных статьях советского периода, посвященных жизни и творчеству В.С. Гроссмана, много недосказанности. Там нет упоминаний о намерениях Гроссмана сделать из романа «Степан Кольчугин» грандиозное эпическое произведение, которое должно было превзойти по объему и историческому охвату «Тихий Дон»¹, ни слова не сказано о причинах критики романа «За правое дело» в советской прессе, как нет информации о том, что роман этот был-таки завершен². Но кроме прочего, там скрыт сам характер литературного пути автора. А путь этот весьма драматичен и представляет собой интригу.

Как известно, 14 февраля 1961 г. рукописи романа «Жизнь и судьба» были арестованы, а спустя несколько лет некие микрофильмы, на которых был текст романа, оказались за границей. В 1975–1976 гг. в ряде эмигрантских журналов публиковались отдельные главы – в 1980 г. появилось книжное издание³. Если судить по немногочисленным рецензиям на книгу, критики долгое время не решались обсуждать роман, поскольку опасались за неприкосновенность авторитета А.И. Солженицына – литературного кумира русского зарубежья. Оправданны были те опасения

или нет, судить сложно, но бесспорно то, что популярность автора «Архипелага ГУЛАГ» была близка к фантастической, о чем свидетельствует 800-страничный индекс работ о нем⁴ (Гроссману о такой известности не приходилось и мечтать). Однако, несмотря на то что вслед за работами о Солженицыне уже появились работы об истории изучения Солженицына, до сих пор нет академической статьи, в которой было бы изучено отношение Солженицына к Гроссману. И это странно: проблема ведь была обозначена критиками. Подобная лакуна есть и в «гроссмановедении»: отзывы Гроссмана о Солженицыне не комментировались. Задача настоящей статьи – устранить эти пробелы.

* * *

Лично знавшие Гроссмана не раз утверждали, что тот восхищался А.П. Чеховым и Л.Н. Толстым⁵. Критики спорили о характере отражения горьковской традиции в сочинениях Гроссмана. Одни говорили, что он у пролетарского классика учился – другие обвиняли Гроссмана в том, что он подражал своему наставнику – причем далеко не всегда удачно⁶. Но одно оставалось бесспорным – литературный авторитет Горького оставался для Гроссмана непоколебим. Дочь Гроссмана упоминала о его дружбе с писателями менее известными, вроде М.А. Светлова⁷. Но в этом ряду никогда не появлялось имени Солженицына. С одной стороны, понять это нетрудно: Солженицын пришел в литературу в 1962 г., уже после ареста гроссмановского романа, поэтому их встреча была маловероятной. Гроссман был мастером военной прозы, а Солженицын – дебютантом, и проблематика его прозы была совершенно иной.

Сохранилось лишь два фрагмента воспоминаний, по которым можно судить о заочной симпатии Гроссмана к младшему товарищу. Первым об этом написал поэт и переводчик С.И. Липкин в мемуарах «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»: «Однажды он позвал меня к себе и с ликованием, неожиданным для меня, дал мне рукопись. Это был рассказ, напечатанный с одним интервалом на папиросной бумаге. Имени автора не было, рассказ был озаглавлен каторжным номером зека. Я сел читать – и не мог ни на миг оторваться от этих тоненьких помятых страничек. Читал с восторгом и болью. Гроссман то и дело подходил ко мне, заглядывал в глаза, восторгался моим восторгом. То был “Один день Ивана Денисовича”. Гроссман говорил: “Ты понимаешь, вдруг там, в загробном мире, в каторжном гноище рождается писатель. И не просто писатель, а зрелый, огромный талант. Кто у нас равен ему?”»⁸.

Как то обычно бывает с мемуарами Липкина, они не столько дают ответы, сколько порождают вопросы. В частности, непонятно, откуда у Гроссмана взялся будущий «Один день Ивана Денисовича». Зато приводились детали драматичного свойства: текст был отпечатан «на папиросной бумаге», а «странички» были «помяты». Это, видимо, должно было служить намеком на то, что копия с не легализованного еще текста была так же снята незаконно, утайкой. Печатали на чем пришлось.

Липкин продолжает: «О Солженицыне более подробно Гроссман узнал от сотрудницы “Нового мира” Анны Самойловны Берзер. Он почему-то ждал, что Солженицын придет к нему, хотел встречи с ним. Но им так и не суждено было встретиться».

Менее подробно, но еще более эмоционально и проникновенно писала об уважении Гроссмана к Солженицыну сама А.С. Берзер. Она вспоминала, что, даже находясь в онкологическом диспансере, Гроссман «очень часто» спрашивал: «Как Солженицын?»⁹. И далее:

«Появление его встретил восторженно.

– Изумительная вещь, – сказал он».

Примечательна еще одна деталь в воспоминаниях Берзер: «Все годы, что я работала в редакции, я носила рукописи в прозрачной “авоське”. И Солженицына, и всякую муру – “авоська” была одна». Следовательно, можно предположить, что именно от Берзер Гроссман и получил рукописи «Щ-854». Можно также было бы предположить, поверив Липкину, что Гроссман не случайно надеялся на встречу с Солженицыным, коль скоро между ними был посредник. Однако это уже область слабых предположений. И, к сожалению, этим ограничивается наше знание.

* * *

Гораздо плодороднее другая сторона вопроса – отношение Солженицына к Гроссману.

Впервые об авторе «Жизни и судьбы» Солженицын написал в цикле очерков «литературной жизни» – «Бодался теленок с дубом», впервые изданном в Париже в 1975 г.¹⁰ И даже случайные упоминания о Гроссмане представляют для его исследователей большой интерес. Практически все они касаются обстоятельств ареста рукописей «Жизни и судьбы».

Так, по словам Солженицына, в 1965 г., после ареста А.Д. Сиявского и Ю.М. Даниэля, он задался целью вернуть из редакции «Нового мира» свой роман «В круге первом», где тот находился на рассмотрении. Слишком высок был риск, что с рукописью что-то произойдет. Недоверие же к новомирскому сейфу было небеспоч-

венным: «Я вижу лучше! я вижу дальше! я решил! Я помню, как роман Гроссмана забрали именно из новомирского сейфа»¹¹.

Эта небольшая ремарка будто не была замечена гроссманистами. Когда речь заходит об истории ареста «Жизни и судьбы», все чаще ссылаются на воспоминания Б.С. Ямпольского, Б.Г. Закса¹² и С.И. Липкина. Свидетельство же Солженицына было опубликовано раньше, нежели указанные. Но главное, в нем – ни слова о том, что рукописи хранились и в редакции журнала «Знамя». А именно это обстоятельство считается общим местом в работах о Гроссмани. Но Солженицын будто настаивает, что рукопись была изъята «именно из новомирского сейфа». Можно бы предположить, что Солженицын не знал о существовании еще нескольких экземпляров романа в редакции «Знамени» (о том, что они там были, свидетельствуют протоколы обыска, проведенного в квартире Гроссмана 14 февраля 1961 г.¹³). Но подобного рода происшествия не сохраняют качества секретности: все-таки свидетелей было много. Да и сама манера повествования указывает на то, что история с арестом рукописей «Жизни и судьбы» считалась общеизвестным прецедентом. Солженицын явно не считал необходимым объяснять, о каком романе и какого именно Гроссмана идет речь. Более того, сам Солженицын при аресте не присутствовал. Следовательно, узнал о случившемся от кого-то. И все же эти сведения приобрели для него свойство факта и как бы стали частью его личных воспоминаний. Было бы странно предположить, что за все это время ни разу никто не рассказал, что «Жизнь и судьба» рассматривалась и редколлегией «Знамени», или что Солженицын попросту забыл об этом. Поэтому, если логический акцент – на слове «именно», можно рассматривать версию, что Солженицын намекал, будто кто-то в редакции «Нового мира» поспособствовал тому, чтобы роман был изъят из сейфа. Если же смысловой акцент на слове «забрали», то, вероятно, намек был другого рода: из одной редакции рукопись «забрали», а из другой – «получили». В таком случае Солженицын выступал в защиту «Нового мира», сейфу которого, тем не менее, не доверял.

Солженицын причисляет Гроссмана к неординарным советским писателям, публиковать которых было рискованно¹⁴. Однако сказать, что он был для Солженицына литературным авторитетом, было бы неверно. Летом 1966 г. в редакции «Нового мира» проходило обсуждение солженицынской повести «Раковый корпус». Автор вспоминал следующее: «И даже нависание над раковым корпусом лагерной темы, прошлый раз объявленное им вполне естественным, теперь было названо “литературным, как Гроссман писал о лагере по слухам” (Я о лагере – и “по слухам”!)». Слово

«литературный» здесь, безусловно, употреблено в качестве эффемизма. Подразумевалось, что написанное Гроссманом о лагере по большей части выдумка, заимствованный опыт в художественном оформлении. Эта мысль впоследствии развивается. Рассказывая о личной, почти случайной, встрече с М.А. Суловым в Кремле в декабре 1962 г., Солженицын упоминает о предшествовавшей тому встрече Гроссмана с Суловым, отнюдь не случайной: «Кстати, 4 месяца перед тем, в июле 62-го, это именно Сулов вызвал В. Гроссмана по поводу отобранного романа: слишком много политики, да и лагеря понаслышке, кто же так пишет, несолидно. Твердел себе в кресле, уверен был: не понаслышке – никогда не будет, передушили. И вдруг такая радость ему – “Иван Денисович”!»¹⁵ Этот фрагмент нуждается в комментировании. Налицо тут – злорадство. Солженицын явно чувствовал себя победителем. И хотя злорадствовал он отнюдь не потому, что его опубликовали, а Гроссмана – нет, это может создавать некий эмоциональный диссонанс. Все-таки напечатать свой труд Гроссман стремился не меньше, а может, и больше, чем Солженицын. Но гораздо важнее то, что можно увидеть, только сопоставив это свидетельство с другими источниками. Воспоминания Солженицына носят, если так можно выразиться, селективный характер. Беседа Гроссмана с Суловым действительно состоялась 23 июля 1962 г., о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в РГАНИ¹⁶. Они не отражают содержания разговора Гроссмана с Суловым, однако есть другой источник. Вернувшись домой, Гроссман записал сказанное Суловым¹⁷. Если судить по этому конспекту, ни о какой «несолидности» речь не шла. Сулов упрекал Гроссмана за то, что тот изолировался от общества, погрузился в скепсис и апатию, рекомендовал ему вспомнить о своих прежних писательских удачах и вернуться к произведениям вроде «Степана Кольчугина» и «Народ бессмертен». Даже высказал пожелание увидеться с Гроссманом снова примерно через два месяца, чтобы обсудить с ним его творческие планы – но только не «Жизнь и судьбу». Если чего Сулов и не говорил, судя по гроссмановским записям, так это того, что писать о чем-то с чужих слов «несолидно». Содержание той беседы пересказывали и знакомые Гроссмана – Б.С. Ямпольский, Н.А. Роскина и С.И. Липкин. Но и они не упоминали об этих претензиях. Можно бы возразить, что они и не могли о них слышать, поскольку узнали обо всем от самого Гроссмана. Но наличие одного и того же источника в таком вопросе не страховка: мемуаристы очень часто совершенно иначе пересказывают одни и те же сведения, полученные от одного и того же человека. Гроссман мог бы умолчать о том

замечании – но к чему ему это? Ведь он знал, что аргумент, якобы приведенный Суловым, не имеет силы ни в области художественной литературы, ни в области документалистики. Гроссман не был заключенным в треблинском лагере смерти, но это ему не мешало написать очерк «Треблинский ад», который использовался как свидетельство против бывших глав партии НСДАП во время Нюрнбергского процесса¹⁸.

Более того, был среди написавших о конфискации «Жизни и судьбы» и последовавших за тем событиях тот, кто, вероятно, располагал сведениями (или слухами) из совершенно иного источника. Этим человеком был историк литературы Г.Ц. Свирский. Его книга «На лобном месте: At the place of execution: литература нравственного сопротивления (1946–1976)» вышла в 1979 г. Она, правда, порой напоминает не столько опыт научного исследования, сколько остро сюжетный роман по мотивам реальных событий. Рассказывая об обстоятельствах ареста «Жизни и судьбы», он не скупился на душераздирающие подробности. По его словам, конфискацией рукописей сотрудники КГБ не удовлетворились – вызвали якобы на Лубянку машинистку Гроссмана, «больную женщину». Да не просто так вызвали, а «бросили на следовательский конвейер», в результате чего «вырвали» у нее признание, все разузнали: «Сколько печатали экземпляров? Кто помогал?». После того «в разных областях СССР были проведены обыски – у родных, друзей, знакомых Гроссмана – и извлечены все экземпляры рукописи, черновики, записные книжки, даже ленты пишущих машинок». Но и этого ненасытному КГБ было мало – вызвали уже самого Гроссмана, допрашивал его некий «тучный гебист». Допросив же, достал из стола «последний, семнадцатый экземпляр» романа, изъятый «у двоюродного брата писателя», жившего в некоем «дальнем городе», и поучительно произнес: «Нехорошо быть неискренним перед органами»¹⁹.

Документами эта история, конечно, не подтверждается. Согласно протоколу обыска, двоюродный брат Гроссмана жил на Нижне-Сыромятнической улице в Москве, а не «в дальнем городе»; к машинисткам Гроссман поехал с гебистами сам – никакой большой женщины никто на Лубянку не вызывал и тем более на конвейер не «бросал»; более того, и акции всесоюзного масштаба по изъятию рукописей не проводилось: Гроссман дал подписку, что все экземпляры «Жизни и судьбы» сданы работникам КГБ. Об уголовной ответственности за дачу ложных показаний он не мог не знать. Труднее сделать выводы о комплекции гебистов. Быть может, кто-то из них действительно был «тучным».

Однако в контексте настоящей статьи интереснее другое. Встреча с Суловым также описана в книге: «Нет, – сказал он вежливо, почти благодушно, угощая писателя чаем, – это не то, что мы ждем от вас. Такую книгу можно будет издать, думаю, годиков через двести – триста... Мы не можем сейчас вступать в дискуссии, нужна или не нужна была Октябрьская революция». И все. Даже нарративное свободолобие Свирского не простиралось настолько далеко, чтобы выдумать или сообщить, будто Сулов упрекал Гроссмана, что тот о лагерях писал «понаслышке».

Поэтому остается заключить, что Солженицын либо получил информацию из какого-то другого источника, либо передал Сулову собственный аргумент против романа «Жизнь и судьба», главы которого как раз вышли в печать в 1975 г., когда Солженицын готовил к публикации «Бодался теленок с дубом». Согласно лично знавшему Солженицына В.Н. Войновичу, тот не любил конкурентов²⁰. А в лице Гроссмана он, вероятно, усматривал такового. Нельзя, впрочем, исключить и того, что о разговоре с Суловым кто-то узнал, придал содержанию беседы «творческое развитие», и до Солженицына дошла иная версия, которая показалась ему адекватной. Как бы то ни было, уже через несколько лет после появления «Бодался теленок с дубом» обвинения в «несолидности» учитывались критиками.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в первой же рецензии, написанной Е.Г. Эткиндром («Двадцать лет спустя», 1979 г.), роман «Жизнь и судьба» сравнивался именно с «Архипелагом ГУЛАГ». Роднил две книги, согласно Эткинду, тот факт, что обе они были арестованы. Но еще важнее был контраст между ними. Критик утверждал, что «Архипелаг ГУЛАГ» был страшен власти именно тем, что это было документальное произведение: «...“художественное исследование” Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей». А вот роман Гроссмана поверг советскую власть в ужас вопреки тому, что документальным произведением не был – роман Гроссмана – «плод вымысла», и как раз в этом его первостепенная ценность: «Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти. Вымысел приравнен к реальности»²¹.

Доказать, что ход мысли Эткинда был подсказан замечанием, воспроизведенным Солженицыным, невозможно. Однако и то обстоятельство, что среди многих достоинств «Жизни и судьбы» рецензент выбрал именно то, которое это замечание учитывает, не кажется случайным. Характерно и то, что Эткинд не считает

Солженицына беллетристом. Для него он документалист, в то время как Гроссман для Эткинда – действительно прозаик. Если же принять допущение, что Эткинд считал адресантом претензий к Гроссману не Сулова, а Солженицына, то история приобретает законченный вид: критик просто-напросто использовал аргумент Солженицына против него же. Не исключено, что этого требовали культурно-политические условия: рецензии на роман «Жизнь и судьба» свидетельствуют, что книгу не признавали в первую очередь сторонники Солженицына²².

История интерпретации литературного наследия Гроссмана в публицистике Солженицына этим, впрочем, не ограничивается. В 1998 и 2003 гг. «Новым миром» были опубликованы две пространные статьи Солженицына о романах «За правое дело» и «Жизнь и судьба». Однако это – тема отдельного исследования.

Примечания

- ¹ См.: *Гроссман В.С.* Солдаты революции. Ч. 1. 2-я книга трилогии «Степан Кольчугин». М.: Гослитиздат, 1941.
- ² *Мунблит Г.Н.* Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Стб. 398–399.
- ³ *Гроссман В.С.* За правое дело: Главы из второй книги романа // *Континент*. № 4. 1975. С. 179–216; *Он же*. За правое дело: Главы из второй книги романа // Там же. № 5. С. 7–39; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. 1976. № 6. С. 151–171; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. № 7. С. 95–112; *Он же*. Жизнь и судьба // Там же. № 8. С. 111–133; *Он же*. За правое дело: Отрывок из второго тома романа // *Грани*. 1975. № 97. С. 3–32; *Он же*. Жизнь и судьба. Lausanne: L'age d'homme, 1980.
- ⁴ Александр Исаевич Солженицын: материалы к биобиблиографии / Сост. Д.Б. Азиатцев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2007.
- ⁵ См., например: *Роскина Н.А.* Памяти Гроссмана // *Роскина Н.А.* Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 108; *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990. С. 66.
- ⁶ См., например: *Короткевич Г.* «Степан Кольчугин»: О новой книге В. Гроссмана // *Комсомольская правда*. 1938. 22 марта; *Котляр А.* «Степан Кольчугин» // *Литературное обозрение*. 1938. № 11. С. 9–14; *Четунова Н.И.* «Степан Кольчугин» // *Красная новь*. 1939. № 8–9. С. 301–312; *Рагозин А.* Детство и юность героя // *Литературный критик*. 1939. № 5–6. С. 181–196.
- ⁷ *Короткова-Гроссман Е.В.* О моем отце // *Сельская молодежь*. 1993. № 3. С. 48–50.
- ⁸ Здесь и далее: *Липкин С.И.* Указ. соч. С. 70–71.

- ⁹ Здесь и далее: *Берзер А.С.* Прощание. М.: Книга, 1990. С. 258–268.
- ¹⁰ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Paris: YMCA-PRESS, 1975.
- ¹¹ Здесь и далее: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 114.
- ¹² *Ямтольский Б.С.* Последняя встреча с Василием Гроссманом // *Континент*. 1976. № 8. С. 133–155; *Закс Б.Г.* Немного о Гроссмане // *Континент*. 1980. № 26. С. 352–364.
- ¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 17.
- ¹⁴ См.: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁵ Там же. С. 327.
- ¹⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 250. Л. 27.
- ¹⁷ См.: Беседа Василия Гроссмана с М.А. Сусловым // *С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана*. М.: Сов. писатель, 1991. С. 83–88.
- ¹⁸ *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. P. 212–213.
- ¹⁹ *Свицкий Г.Ц.* На лобном месте: At the place of execution: литература нравственного сопротивления. L.: Overseas Publications Interchange, 1979. С. 253–255.
- ²⁰ См.: *Войнович В.Н.* Портрет на фоне мифа. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.
- ²¹ *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Время и мы*. 1979. № 45. С. 7.
- ²² *Бит-Юнан Ю.Г.* Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в литературной критике и публицистике русского зарубежья 1980-х гг. // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2016. № 4 (13). С. 58–71.